

18+

Татьяна Борздых

**В ДИАЛОГЕ
С ВЕЧНОСТЬЮ.
ПУТЬ СТРАННИКА**

Татьяна Борздых

**В диалоге с вечностью.
Путь странника**

«Издательские решения»

Борздых Т.

В диалоге с вечностью. Путь странника / Т. Борздых —
«Издательские решения»,

Странник — герой книги — своего рода первопроходец, проживающий иную реальность — Вечность, и, к удивлению, находящий в ней некогда утраченные в земном пребывании смыслы. Он, всемогущий маг Природы древних времен, пытливый и познающий, средствами Вечности призван разгадать множество земных загадок — о затерянных древних храмах, крылатых существах и... о Ней; Лиричные и порой сентиментальные, Ее воспоминания в сюжете сосуществуют с Его Вечностью.

Содержание

ПО ЗАКОНУ ЗОЛОТЫХ СЕРЕДИН	8
Современная Россия	8
День Совпадения теней	10
Веер гаданий	12
За иронией белого	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

В диалоге с вечностью. Путь странника

Татьяна Борздых

© Татьяна Борздых, 2026

ISBN 978-5-0071-2852-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЛОТ НА ВОЛЧИЦУ. ПИФАГОР

Наши дни

Прошло долгое лето. Прошла осень. В преддверии холодов Странник часто возвращался к сохранённой им когда-то Магии древних обрядов. Листая ветхие пожелтевшие страницы Трудов он недоумевал. Как могла та история, произошедшая с ним по его памяти лет уж эдак триста назад оказаться на страницах Трудов Великих Предков? Ведь он не относился ни к прославленному древнему роду Эпикурейцев, ни к Схоластам Софии.

Он раз за разом вспоминал ту историю, пытаясь найти в памяти хоть какие-то указания на схожесть с Магами Природы.

История Странника. Воспоминание

Вот тот день. Он готовит снадобье. Описание чудодейственной травы найдено на страницах древнего эпикурского учебника по целительству. Черная Дева, обратившаяся к нему за помощью, вторит — неминуем час Возрождения твоего, лишь освободивший всех станет Сподвижником.

Лечил он тогда девицу, после лесной вражды насилу уцелевшую, имевшую состязание не то силы и выдержки не то душевной мудрости — с волками, как считалось тогда посланниками Лукавого.

Как сейчас помнит он Здравницу — аромат притираний и снадобий, душица Великих трав — органика Зелёной Лилии, что против невежества, Соль Белогорий старинная — в упортив злу некаянных, Кислица лесная обычная — как если по учебнику, то и с неудачами земными справится.

Помнил он и всю тяжбу лекаря — неверием главным тогда были охвачены и поля и леса зелёные, и равнины щавельные, и урожаи малосольные. И стар и млад ходили убогие, не полагаясь ни на молву древних снадобий, ни на силы свои могучие, ни на амулеты, что от струпий дьявольских, чуму с пространства мира выгнавших.

День ото дня его снадобье давало действие. Крепчала девица, насилу с недугом справившись.

Исчезла тогда она, лишь тень волчицы оставила... Молва же окрестная довела до всех — ручная волчица теперича есть в селениях, ни кур не крадёт, ни детей не пугает.

А Черная Дева вторила — неминуем час Возрождения твоего, лишь освободивший всех станет Сподвижником...

Вновь и вновь Странник просматривал древние тексты. Вновь и вновь он недоумевал. Но вот накануне зимы возник перед ним образ некоего Старца...

В глубинах Трудов Великих Предков нашел он приписку- Пифагор... А Черная Дева вторила — лишь освободивший всех станет Сподвижником...

Странник прочел Его историю.

В одной местности жителей разоряла волчица. Пифагор же взял ее к себе, долго гладил, кормил хлебом и плодами и взял клятву не трогать более никого живого... Она убежала в горы и леса, но с тех пор не видно было, чтобы она напала даже на скотину.

А Черная Дева вторила — неминуем час Возрождения твоего, лишь освободивший всех станет Сподвижником...

На страницах Трудов по сей день зиждется история этой волчицы, той единственной Твари Божьей, чьим доверием удалось заручиться на всем протяжении истории человеку. Был им мудрый старец, Маг Природы, представитель древней Софии, философ и мудрец Пифагор, живший в Греции около 570—490 годов до н.э.,

математик и мистик, создатель религиозно-философской школы пифагорейцев и магии Черной Девы — «А Черная Дева вторила — неминуем час Возрождения твоего, лишь освободивший всех станет Сподвижником...», школы, с веками становящейся актуальнее, завладевающей силою не то ли разума, не то ли магии все большим количеством Сподвижников — продолжателей...

Зиждется на страницах Трудов Великих Предков и история Странника.

История Странника, опубликованная в Трудах Великих Предков

Труды Великих Предков, ставшие настольной книгой Странника, содержали такие данные:

Мишель де Гама, философ, религиовед, целитель (1678 — 1757 г.)

Первый целитель — травник, полностью излечивший от тяжёлых телесных недугов около 100 человек, в том числе: 50 поместных дворян,

20 душ обречённой купеческой знати,

20 духовников,

9 волхвов,

1 девицу, пострадавшую в лесу от волков.

Упоминается также, что исцеляющие средства являли собою исключительно травяные сборы и настои, рецепты были продуктом исследования древних греческих снадобий, преобразованных под запросы времени.

Прилагались такие вот рецепты:

Неурожаи, голод и истощение излечит Кислица обычная, да в амулете серебряном.

Струпья телесные заразные низведет Жабий тмин Затворочник, из сушеной жабы полученный.

Травмы боевые, военные ослабит Острица томленая, с соком Тысячелистника иль Медуница моленая, приправленная свежим Вереском;

Ну а волков Лукавого изгонит лишь Дева Черная..

Брела она тропею лесною, долго ли коротко ли, как оказались на пути чудовища ярые. И много их было, и света белого они чурались. Тенями лютыми среди лесных ветвей нависла угроза несметная, и не внемали они ни словам премудрых, ни действиям.

Была она тонка и мила, от природы кротка и затейлива, прозвали ее в народе «Знахаркою». Как низвергнуть лесную напасть и силу черную — был секрет один...

По прошествии трёх годов не нашла она в памяти, что творилось и где — не ведала. Помнила лишь ароматы трав, будящие словно сон весны, облик Старца ясного, хлопотавшего, и восхода луч, что пути провел...

Наши дни

Пришла зима. Труды Великих Предков все так же оставались предметом долгих размышлений Странника. А Черная Дева вторила — лишь освободивший всех станет Сподвижником...

Лишь его вечность могла помешать ему — размышлять и властвовать, созидать и, растворяясь в потоках долгих лет, не забыть — блеск очей ее, да белокурые локоны, нрав затейливый и манеры тонкие. Он помнил, оставаясь в своей вечности.

ПО ЗАКОНУ ЗОЛОТЫХ СЕРЕДИН

Современная Россия

В преддверии весны Странник часто хворал. Вот и теперь. В душе творилось что-то потустороннее, зимний час неизбежно заканчивался, а весна, хоть и сулила новую энергию первых лучей, заставляла все же вострепнуться новым действиям, однако же вострепнуться уже успевшее отрицательно привыкнуть к долгим и протяжным вальяжным вечерам у очага за долгие месяцы выюг и морозов внутреннее кармическое существо духа. На дворе стоял 2028 год. Странник, попивая горячее с молоком и медом кофе, и со стараниями не поддаваться весенней хандре, разглядывал в очередной раз Карту Наследных Времён, ещё с осени как-то нарочно не убранную и маячавшую перед глазами на столе. В этом году предметом его размышлений почему-то все чаще становилось Переходное время — как то от зимы к осени, но не только, а много шире и значительнее — он помнил многие взлеты и падения своего Странствия в вечности, однако на Карте Наследных Времён столь многое менялось с годами — облики стран и городов, народности и обычаи, что он никак не мог осознать, уловить главный период из множества прожитых, период своего изменения — что и когда сделало его таковым, как есть. Ведь сила Главного времени — это начало и основная движущая сила его могущества и торжества во Вселенной, сформировавшая путь его дальнейшего теперешнего движения.

На карте Наследных Времён он мог наблюдать и переход народов из Золотой Античности в мрачное Средневековье, и становление Руси и падение Великого Рима, и всю мощь сути становления Европейского Ренессанса. Перед его взором открывался весь путь, пройденный человечеством от времён древнейших богов, знахарей и первых гимнов истинности научного знания. Эпохи времён словно мелькали перед взором в своем безудержном будоражающем восторг многообразии и он с трудом мог остановиться в казавшихся бесконечными попытках определить свое время.

Страны и народы, Великий путь... Территории и войны, и вновь новые очертания на карте. В бесконечных скитаниях дум и допивая утренний кофе, Странник уже было отправился к предполуденному скитанию дня, как вдруг словно что-то остановило его. Взгляд словно прикованный остановился ровно в центре карты, обозревая просторы необъятной страны. Россия. А конец советской эпохи — смутное и противоречивое время. Не это ли искомое Время Перехода? Да, это Золотая середина — во всех пониманиях — временных и пространственных, территориальных и неземных. С восторгом и великолепием нового начинания он отправился в путь — да бы воочию и, ещё раз оглядевшись в происходящем периоде, понять суть своего надвременного начертания. Суть главного изменения переходной эпохи страны Золотой середины должна явить и предназначенное ранее назначение его судьбы. Он был убежден найти *Его*.

И вот Союз. Ещё немного ранее покоящийся на лозунгах нерушимой веры в несокрушимое будущее, на неведомой единящей народы силе идти вперёд, провозглашаемой наследниками Великого вождя, на казалось бы непобедимой силе советского социалистического духа — и вот он Союз — пришедший в 80-90-е годы двадцатого столетия к социалистической утопии, к кипящим антигосударственным протестам, к осиротевшей без государства культуре и идеологическому засилью свобод рыночного механизма...

И вопреки — современную Россию Странник знал прекрасно. При всех общественных катаклизмах и неурядицах, без которых, пожалуй, не обходится ни один период в развитии того или иного государства, пышная и богатая страна, с возрождённой наукой, культурой и религией. Страна идеологических свобод и личного выбора, страна демократических начал и все более упрочняющегося суверенитета, открытая при этом внешнему миру и чехарде мировых рынков.

Как стало так, на какой путь взошла страна тогда, в далёкие годы повсеместного кризиса и советской перестройки? Что унаследовало время современности от Золотого перехода? Странник недоумевал. Он вспоминал каким все было, и вновь недоумевал. Многие не узнавая, он понимал, как все изменилось. И продолжает меняться. Каким стремительным стало время, как изменилось общество и политические курсы, и, главное, насколько разнится в новой России день ото дня..

Его жизнь тоже изменилась, да как впрочем у каждого человека. Детство, юность, зрелость. Но что — то ведь в определенный период формирует человеческую личность как свершенную, утверждает ее таковой, определяет смыслы и предназначение судьбы, задаёт координаты дальнейшего Странствия.

Вновь оказавшись в новом дне, в своей вечности, Странник наконец-то осознал себя. Он увидел противоречивую суть сегодняшней России, перешедшей к стремительным меняющимся состояниям общества, государства, культуры. Новые формы меняющегося сущего — неотъемлемой частью стали характерны для целостного и поступательного движения вперёд. Он припоминал себя — смутно, что свойственно ушедшей в вечность душе мистика, в своих уже случившихся реинкарнациях — древний целитель, русский князь, дворянин -помещик — теперь же осознавая их как новые формы существования души во Вселенной; понял свою вечность — суть скитания в которой — суть изменения души, являющая его торжество и пост-земное надвременное магическое странствие. Он наконец-то осознал на примере страны Золотой середины неизбежную суть и предназначение своего времени.

На Карте Наследных Времён он поставил маленький флажок — в честь уж почти позабытого в веках дня своего земного рождения.

Его же время уходило далеко в прошлое. Ещё в те далёкие времена, когда зелёные луга столь необъятно простирались по еще неосвоенной человеком земле, когда высокогорные водопады соединяли зелёные холмы и равнины, бурлящие своей студёной водицей словно потоки времени, завораживая; когда просторы небес своей твердью составляли оплот людским начинаниям, когда первозданность бесконечной природы словно на века западала в души первым заселившимся после Всемирного потопа на грешную Землю людям, зарождая в их душах и первую магию.

День Совпадения теней

Столь чудный яркий весенний день... Странник, охватив восторженным взглядом простирающиеся вокруг просторы зелёных полей, необъятных в своем блестящем убранстве лесов и голубых поднебесных рек, вновь удивился — удивился необъятности земных просторов. Как прекрасна Земля под все набирающим силу Светом весны, насколько многое помнит она, пребывая в своей непрерывности. Он часто посвящал целые дни своей вечности, дабы пройти шаг за шагом километры земных траекторий, вновь и вновь расширяя тот колорит времён, дорог и пространств, которые он то ли когда-то прожил в своем земном пребывании, то ли сама Вселенная благоволила и именно ему, раскрывая его вечности торжество своей непостижимой ни одному простому смертному многогранности жизни.

Скитания его духа в его надвременной вечности не часто, но случалось, вызывали в нем скуку и хандру, отдаленно напоминая переживания им его жизненного земного смертного пути. Тогда, в те далёкие времена, лишь бесконечность природы, вселяя надежду бессмертной дальности познания, привела его к магии.

Сегодня же Голограмма его Путей светила как-то особенно, по — весеннему, призывая в новые пространства Неизведанного, как словно луч за лучом весеннее солнце с приближением теплых времён все ближе становится к Земле.

Позже, в своей летописи назвал он этот день — Днём Совпадения Теней.

Весенний день. 2027 год. Россия. Центр.

Город. В этот день он видел его таким.

Вокруг снующий там и здесь народ, так, что если вместе с толпой, и вдруг отрешившись от сутолоки земной и спрятавшись в глубине тревожащих душу мыслей, плыть от улицы к улице, то ненароком окажешься в незнакомом месте — толпа крыльями своих необузданных свобод приподнимет, не обнаруживая ни курса, ни координат городского шествия.

Каналы, словно перепетии дорог. Утверждающие грациозно незыблемость прошлых веков достопочтенные здания — Ваяния, погружающие своей статью в века Архитектур и пылких Воителей.

А люди — все новые, новые люди, в серых пуховых одеждах, что на подбор — однако, присмотревшись, можно выделить в близкости шумных масс и суть Изящества, и Резкость Металла, и Непосредственность Юности.

Средь транспортные Караваны по обе стороны проспектов где-то ко вниманию и оставленный наспех экипаж, с нарочито кинутым в нем бульваром — спешащего по уездным делам дворянских поместий в центральный архив помещика..

Словоохотливые папарацци со всех сторон неизбежно околдовывают своим обаянием, предлагая завсегдатаям и гостям города фотографическую съёмку — то на лоне высоких плато городских крыш, то композиционно — портретную съёмку с овальными фото-продуктами первых фото-ателье. А не то ли и сама Матушка Царица в пышных расшитых золотом нарядах незатейливо снизойдёт до босяка — холопа, одаривая присутствием собственной персоны будущий памятный снимок.

Кофейни — трактиры переполнены, особенно в праздничный час, когда на столах, накрытых белеными скатертями русской вышивки и неизменного русского гостеприимства, к

угоде посетителей и поросеночек на пару, и гусь в яблоках, и хмельной мед с иными разнообразнейшими настоями.

Музеи — сокровищницы наполнены трепетом и сохранностью — и дорогих тканей, и хозяйственного инвентаря, и монашеских манускриптов, и иной утвари и книг.

Выйдя, перекусив, из кафе «Шоколадница», Странник ненадолго остановился — передохнуть в тени на набережной и наметить координаты своего дальнейшего движения. На миг, словно зачарованный, он смотрел сквозь толпу и словно не верил — ему обнаружилась *Она* — ее белокурые локоны в блеске лучей весеннего солнца вновь проникли в глубину души его, с новой силой пробуждая воспоминания... Она была строго одета и головной убор, похожий на перевернутый цветок из соцветья ландыша, лишь ярче подчеркивал всю тонкость и нежную хрупкость существа ее.

Он последовал дальше. В черте городской окружности круг за кругом простирались не городские поселения. Крыши дачных домов вереницей за градской чертой особенно с широким охватом можно было наблюдать с наивысшей точки городской архитектуры — Святого Собора, где они словно миллиардами троп убегали вдаль, подобно мельчайшим ягодкам земляники, рассыпанным по лесному лугу.

Оказавшись за пределами города, сквозь гул пригородных электричек он вновь и вновь ощущал не вполне внятный ему вкус Теней поместных садов, Теней аллей дворянских усадеб, и истинно русского научного призыва к творению — на лоне природного Косма, вдали от шумящей, городской Пролетарской дружины. Сколько достопочтенных дворян творило в тиши поместных усадеб! Бесконечная сила первозданной природы выливалась в закладываемые их пером основы будущего становления России, основы демократических свобод и неприкосновенности естественных прав человека, основы суверенности и мощи Великой державы.

Следуя за толпой торопящихся дачников, он наблюдал и бегущие мимо ветхие избышки, и расписные белокаменные терема с различными вывесками, и освоенные леса и луга, и пригородные мануфактуры — заводы, производящие всякую необходимую всячину. Земля подготавливалась садоводами к весеннему засеvu и уже кое-где маячили возведённые парники с новенькой пленкой, замест старых — с серой и за зиму протвердевшей. Сады же и Аллеи поместные радовали взор своим весенним пробуждением и шорохом зеленеющих крон.

Следующие фигуры круг за кругом территориально — государственной уложенности вели в отдаляющиеся с каждым километром от Центра автономным Краям — территориям, далее же следовали Края чужеземные. До них лишь издревле редкий крестьянин мог пешком дойти, как то до Польши, спасаясь от бессилья голода да холода русского.

День близился к вечеру, садящееся за горизонт солнце уже насилу дотягивалось до Земли своими уходящими на ночной покой лучами. Странник торжествовал и грустил одновременно — как многогранно время в любом его проявлении — и в земном течении, и в его — Странника — вечности. Нет, он нисколько не жалел, что когда-то очутился в этом неземном измерении — ведь лишь эта его вечность приоткрыла ему суть Неизведанного, не изведанного и не понятого путем его далёкого земного пребывания. А Тени времён? Они и сейчас, нарочито совпадая к Центру, создают все новые и новые грани человеческого существования.

Веер гаданий

Веер Гаданий — стало быть, если он появился вновь, значит настало время Лунного часа — времени, когда небо сводится с землёй и затем, когда личные вехи всего живущего погружаются в сумерки Предстоящего, опускается на путь Знамение. Странник любил тишину ночи и лёгкую прохладу, создаваемую таинственным шепотом ночных лепестков Веера. Этот амулет был связан с водружением межпланетной тьмы, вместо уже прошедшего света Юпитера и пред наступлением периода нового. В прошлый раз, когда Веер предстал Страннику, Будущее Вечности предопределило ему Знамение. Что же откроется на этот раз? Странник недоумевал.

Много лет назад, пред наступлением Вечности, он уже предвосхищал Знамение — о, сколь много лет он тогда готовился к желанному пути — уж теперь точно и не припомнить. Было время и для раздоров, и для сожалений, и для весёлого буйства мира его уходящего с грядущим.

Вот он, Странник, человек, столь горячо почитающий природный раум, что словно восхищал тогда своими инициативами природу, радуя магией души и создание мелодичного зелёного ландшафта, и основание нескончаемого этюда Идей уклада бытия для людей того времени — первых людей Вселенной. И, с другой стороны, он же, Странник, увлеченный и созидающий, но, в то же время, человек, столь опечаленный скоротечностью и неумолимостью времени — ведь сколь непостижима в своей многогранности Истины Вселенная, и увы, столь быстротечно человеческое время. Так в те времена его желания и надежды оказаться вне временных границ человеческого существования видимо предвосхитили Знамение. Его Будущее вечности, очерченное Знамением — суть все его теперешнее надвременное, не ограниченное временем пространство. Его вечность.

Что же может быть ещё — шире и полноправнее этого уже достигнутого им мира? Ведь, как он понимал, вечность, данная ему — навсегда, со всеми ее безусловными преимуществами вечности — любые времена и народы, периоды исторического течения бытия цивилизаций были доступны для его познания и опыта. В его власти было и предшествующее, и настоящее, и будущее. Мало того, он порою затруднялся даже с тем, какого есть будущее, его будущее в этой-то Вселенной надвременной вечности, а что уж говорить о новом Знамении? Ведь даже здесь на этом уровне экзистенции закрадывалось порою в его душу сомнение — ведь насколько неумолимее время следует вперёд, создавая все новые и новые облики — континентов, стран, городов, государств, народов и социумов, и создавая тем самым все новые пространства опыта и познания, ведь тем более постоянным будет становиться его опыт в этом временном шествии, более привычным к новизне, и, чего он больше всего страшился — безинтересным и тленным. Он всей душой приемлил свою вечность, дарованную ему Высшим Вселенским Разумом и очень страшился в себе ее исхода — равнодушия и вечного бесцельного скитания. Ведь если не пыл познания его и огонь, и угасни оно, то чем станет его пребывание в вечности? Что станет он вершить в ней, в целой вечности? Зачем тогда ему, людскому переродившемуся существу, столько времени?

Веер гадания словно поблесткивал, создавая пред ним в ночной тишине будто координаты в размышлениях о предстоящем пути.

Что может значить вечность для человека? За все протяжение его земного существования и за весь, уже в вечности, пройденный путь, он встречал много людей из плотного мира, встречались ему и существа неземные, со всей их мистерией. Странник даже выделял среди них типы, в соответствии с тем или иным подходом к творению вечности.

Тип «вампиры». Самый простой тип, к которому относятся неплотные существа, а также многие люди, унаследовавшие возможности вампиров. Их вечность томная и безудержная,

восхищающая всеторжество гибели, обольщающая и порочная. Форма сознания и жизни этих холотропных духов не имела ничего общего с вечностью Странника.

Тип «инопланетяне». Сам Странник этих существ не видел никогда, однако, по рассказам очевидцев — особенно много космических пришельцев видели в 90-е годы двадцатого столетия, тогда, когда их появление символизировало сосредоточение тревог людских и страхов перед приходом новых, еще не наполнивших в те годы земной шар технологий электронного изыска. А по исследованиям скептической психологии — пришельцы и вовсе были порождением этих тревог и страхов. Хотя природа их и тяготела к вечности, Странник не видел в них живого трепета и упования, души, тяготеющей в многообразии струн своих не то ли к природной прохладе ночи, а то и к бурному дню, побуждающему своим светом к новым свершениям.

Тип «Маги». О магии природы, безграничности ее тайн и загадок, о самой сути вселенского уклада и законах, его творящих, он таки и размышлял.

Тип «Философы». Эти представители рационального научного созидания, теоретизировали хотя и законы универсума, однако законы объяснимые и неживотворящие, не создающие и не пробуждающие, близкие более Идолу прогресса, по его мнению, нежели живой человеческой душе. Он с радостью знакомился с ними в работах античных мыслителей, трудах средневековых схоластов и утопистов 20 столетия.

Тип «Художники». О, сколь многое из происходящего в веках хранят их живые полотна! В них и колорит времени и пространства, и перепетии эпох, и скрытые от обывателя и открывающиеся лишь усердному творческому замыслу диковины бытия — будь то незамысловатости простой жизни русской деревни, или тонкости пышноты и роскоши дворцовых интриг. Была в их силе и своя крайне необъяснимая мистерия — как то, полотна И. Глазунова с изображенным на них временем перехода — российских 90-х. Поговаривали даже, что встреча с некой картиной «Вечная Россия» из данного собрания словно оживляет и придает новых сил, хоть пусть даже встретится ее изображение на развалинах катакомб путча или на оставшихся обломках стен здания после бандитской перестрелки. Эта картина сильнее остальных являла вечную силу — борьбы русского духа, на которую едино поднялись вновь и властители древнего царства, и императоры и императрицы, и святые подвижники — за русское, первозданное, святое, вечное.

Запечатлённое на картинах в вечности он готов был и далее исследовать хоть будь веками, однако сейчас его мысли занимала его вечность. Припомнив вроде бы все, так или иначе к ней относящееся, он сильнее встревожился. Оставался последний тип. Неужели его творение будущего сопоставимо с их вечностью?

Он называл их — «Похитители времени». Представителей этого типа и людьми-то назвать нельзя — Лень, Скука, Зависимость и Пагубная Страсть. Все порочное совмещали в себе они, и если кто поддавался этому влиянию — так навсегда, навеки вечные. Полная смерть земному существованию и вечное терзание.

Странник понял. Он вновь предвосхитил Знамение — на этот раз Знамение Сознания. Сколь неисчерпаема вечность — земному сознанию человека в силу конечности его телесного бытия и телесной материальной сущности разума не объять непостижимость времени.

Он помнил труды о понимании Спасения — лишь живая душа, дух, после физической смерти может ощутить вечность. Он уже много веков ощущал ее, вечность, однако всё ещё узким земным, плотной материей ограниченным разумом. Его новое Знамение — грядущее ему расширение Сознания. Странник задумал узнать, в чем широкий смысл самой вечности, и не только пребывания в ней. Веер гадания закрылся. Его пылкость и огонь познания и исследований не угасли, они лишь с новой силой поддерживали в нем веру о вечности, вопреки пути вневременья страстей и нескончаемых терзаний.

За иронией белого

Раздумывая о сущности плотных и не плотных существ, населяющих Землю и их различиях, Странник, наблюдая при этом как меняется Земная поверхность в освещающих ее в своем блеске и сменяющих в очередности друг друга Лучах Активности Солнца — от ярко пылающего Красного, затем через гамму Зелено — Синих, и к Фиолетовому — наносил, наблюдая свечения, заметку за заметкой в свой Кладезь Мудрости. Он собирался в очередное странствие — обнаружить в мире Невидимого присутствие неоднозначных существ, даже Монстров, как их называли порою люди, неплотных существ, неоднозначно явленных Вселенной людям плотного мира, предстающих им то Хранителями, Защитниками, Заступниками и Утешителями в горестях, то, наоборот, являющихся Лжецами Сновидений, Обольстителями Разума и Проводниками Необратимого. Он хотел распознать их — в их отличиях, дабы разгадать то Великое значение, что несут они людям. За все время своего прежнего земного пребывания он ни разу не видел их, во всяком случае, так ему помнилось.

В своей вечности Странник пребывал уже долго. Но и здесь он не мог распознать следов их. Теперь, в этой вечности, в отличие от земного пребывания, он мог наблюдать жизни целых поколений, времён, народов, их закаты и расцветы, их вековые сосредоточения и рассредоточения по континентам Земного шара, мог изучать отдельные судьбы великих Завоевателей, Жрецов, Вождей.

Множество людей появлялось год от года на Фотографии Всеобщей Памяти, однако иных существ, помимо людей, на ней не было.

От Фотографии Всеобщей Памяти он мог взять, например, и Фотографию Памяти Страны N, и Фотографию Памяти Поколения Z — страны N или какой-либо другой страны, но, как ни старался он, загадочных существ словно — то и след простыл.

Неплотный мир оставался недостижимым.

Шел он долго в пути своем, по лугам и долам необъятной Вселенной. Путешествие само по себе и так подогревало его пыл, открывая взору и уклады природные, и обычаи народов уж часто затерянных в глубинах территорий веков, а уж ожидаемая встреча с недостижимым и тем паче, создавала приятное предвкушение. Где-то в зелёных глубинах Европейской равнины проходил его путь через курчавый лес.

Все вроде бы в нем было как принято — и топи лесные, и чаща непроходимая, и сумбур зелёных великанов, и прыть зверья многочисленного. Однако абсолютной красоты, словами неопишуемой, были в нем птицы. Их чарующее взор оперение золотистыми и голубыми подсветами лучей полуденного солнца, бордовым и пурпурным, серебряным и малохитовым сиянием словно переливалось, создавая виды птиц один другого краше. Изумлённый, Странник уж было двинулся дальше, однако что-то останавливало его в этой лесной идиллии. Уж слишком красивы были птицы, настолько, что даже какая — то немая тревога закрадывалась в сердце, словно сковывая движения. Решил он вдруг выйти назад из леса, но, словно опьянённый, все смотрел и смотрел на чудесные переливы, они будто околдовали его своим притягательным великолепием. Встревоженный, он ненароком кинулся быстрее прежнего в противоположную сторону, но, словно уже запутавшись, не мог пробежать и километра. Лишь взор будто утопал все больше и больше в чудесных преображениях световых лучей. Словно и не стало выхода из этого леса — ни обратного, ни вперёд лежащего.

Внезапно ему будто вспомнилось. Вспомнилось, как некогда, в некоей местности, беда природы обрушилась на местные поселения. Занимались там люди преимущественно разведением скота, широчайшие пастбища, в радость травоядию коров, овец и коз, простирались на многие километры тамошней территории. Было в меньшей мере и огородничество, кормившее

не только местных, но и позволявшее вести дела торговые. В те годы природа словно взбунтовалась против человека — ветер и смерч, приземистый, шквалистый, словно гигантским дуновением поднимал с земли слои высохшей, испепеленной горячим солнцем земли, так, что образовывались земляные крутящиеся вокруг своей оси ураганы, воздушные массы с песком и землёй в порывах ветра застилали видимость, вредили глазам и зрению, глаз словно не приоткрыть было, если в пути заставлял смерч. Земля, в силу долгого отсутствия дождя, трескалась у поверхности. Неминуемой становилась гибель скота, ни травинки не выглядывало годами из выжженной разъяренным солнцем почвы. Люди бедствовали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.